

Блеск и нищета добродетели¹

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Фишман Л. (2022). Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: НЛО. — 232 С. ISBN 978-5-4448-1779-7*

Марк Белов

Стажёр-исследователь Центра исторических исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
Адрес: ул. Союза Печатников, д.16, Санкт-Петербург, 190008 Российская Федерация
E-mail: markusabelov@gmail.com

Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо.

Яков Козельский, Философические предложения, 1768

Как отмечали социологи Кирилл Титаев и Михаил Соколов, на постсоветском социально-научном ландшафте сложилась ситуация, в которой образовались два «племени»: туземной и провинциальной науки². Особенность туземной науки — коммуникативная отдаленность, в которой оказывается исследователь вследствие географического положения, языкового барьера и политэкономических факторов. В результате ученый прагматически принимает решение участвовать лишь в тех дискуссиях, к которым он имеет непосредственный доступ и в которых может сказать свое слово. Это, однако, приводит к постепенной локализации и герметизации знания. Провинциальный ученый, напротив, предпочитает считать, что «происходящее в непосредственном окружении индивида менее важно и ценно, чем происходящее где-то в другом месте»³, а потому всегда стремится прорваться от периферии научной мир-системы к ее центру. Подобное институциональное положение исследователя также непосредственным образом сказывается на объекте его профессионального интереса — обществе. В результате в различных исследованиях российское общество либо недотягивает до модернизационных стандартов, постоянно скатываясь в «колею»⁴ (то есть оказывается провинцией, не соответствующей нормативным теоретическим описаниям), либо рассматривается как нечто настолько уникальное, что оно не поддается объяснению с по-

1. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Максима Фетисова за важные замечания и комментарии к тексту. Вся ответственность за неточности, ошибки и выводы лежит на авторе рецензии.

2. Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. С. 249–250.

3. Там же. С. 250.

4. См., например: Аузан А. А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестн. Моск. Ун-Та. Сер. 6. Экономика. № 1. С. 3–17; Тренин Д. (2012). Post-imperium: евразийская история. М.: РОССПЭН.

мощью известных, общепринятых теорий⁵. В обоих случаях изучаемое общество оказывается не таким, каким нужно, отклоняющимся, иным.

Современным российским социальным наукам описанная ситуация досталась по наследству от *soviet studies*⁶, причем в изводе, близком к тоталитарному подходу. Книга Леонида Фишмана, как заявляет сам автор, «является попыткой ухода, [...], от парадигмы нравственной “периферийности”, равно как и от лишь формально противоположной ей установки» (с. 9). Таким образом, целью исследования становится описание трансформаций, произошедших с советским обществом, которое не скатывалось бы, с одной стороны, в слепое применение западных теорий, а с другой стороны, не занималось бы экзотизацией СССР и нынешней России, как это делают различные доморощенные концепции. Такая стратегия является своего рода попыткой «провинциализации» западного социально-теоретического знания, если обращаться к термину, введенному историком Дипешем Чакрабарти⁷. Это означает, что сами эти теории, с помощью которых рассматривают в том числе и Россию, являются продуктом определенного локального исторического контекста. Поэтому неудивительно, что в других реалиях они попросту перестают работать. Фишман в связи с этим пишет о том, что ни одно общество не может быть описано исключительно негативно, то есть с точки зрения того, чего в нем нет согласно той или иной теории (с. 11).

Автор ставит себе задачу понять и объяснить, как и почему сформированное просвещенческими и гуманистическими традициями советское общество вдруг обнаружило себя в ситуации социальной катастрофы 1990-х годов. Относительная новизна авторского подхода состоит в попытке исследовать проблему с точки зрения эволюции общественной морали. Фишман предлагает посмотреть на историю падения социализма через призму этики добродетели. Автор предполагает, что «моральная пирамида» советского общества представляла собой двухъярусную систему с деонтологической идеологизированной этикой принципов наверху и этикой добродетели внизу (с. 33). Этику добродетели Фишман определяет следующим образом: «Этика добродетели в общих чертах является этикой соответствия человека неким образцам поведения для того или иного сообщества» (с. 34). Любое сложное общество нуждается в обоих уровнях морали, где «верхний составляет приоритеты», а нижний побуждает индивидов «соблюдать верность трансцендентным ценностям» (с. 35).

Советский проект в этой перспективе на верхнем уровне воплощал в себе прогрессистско-гуманистическое мировоззрение, предназначенное не только «гражданам СССР, но и всему остальному миру» (с. 36), что требовало от большевиков постоянной заботы о просвещении и окультуривании масс, а на нижнем содержал определенное развитие буржуазных добродетелей (с. 54). Фишман замечает, что

5. См., например: Кордонский С. Г. (2010). Россия: поместная федерация. М.: Европа.

6. См.: Fitzpatrick S. (2007). Revisionism in Soviet History // History and Theory. Vol. 46. № 4.

7. См.: Чакрабарти Д. (2021). Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж».

новое никогда не отрицает полностью старого. Буржуазные добродетели явились развитием добродетелей аристократических, которые, в свою очередь, перенимали добродетели античных полисов (с. 49). Социалистическая добродетель также не отказывалась от успехов буржуазной морали, но стремилась стереть классовое различие, исторически присущее этикам разных обществ. Советский человек должен был обладать управленческими и предпринимательскими способностями буржуа, образованностью аристократии, но самое главное — пролетарской сознательностью, которая «должна была гармонично объединить все эти добродетели» (с. 66).

Здесь следует сказать о том новом подходе к проблеме советского и постсоветского, который предлагает Фишман, выделив черты этики добродетели. Принято считать, что интерес к этой проблематике возвращается в современную политическую философию вместе с дебатами о коммунитаризме и, в частности, с публикацией в 1981 году известной книги Аласдера Макинтайра «После добродетели: Исследования теории морали»⁸. Макинтайр обращал внимание не только на собственно этическую сторону добродетели, но и связывал напрямую с политикой. Не удивительно поэтому, что исследования добродетели были локализованы прежде всего на кафедрах политической философии и этики. Однако в последнее время к данной теме обращаются как историки⁹, так и политические теоретики¹⁰, что позволяет вписать книгу Фишмана в некоторый общий «тренд» социальной и гуманитарной мысли.

Еще со времен Аристотеля главной чертой добродетели считалась уместность действия его контексту, а не следование правилу¹¹. Добродетель, таким образом, есть нечто интуитивно понятное, и претворение ее в повседневную жизнь советским гражданином не всегда было связано с изменениями, происходившими на деонтологическом уровне (с. 98). Ведь повседневность является тем, что поддерживает функционирование больших институтов, требуя от социальных агентов рутинизации своих действий и веры в силу социальной конвенции. Политические революции изменяют форму политического порядка, но повседневность сопротивляется резким переменам. Поэтому неслучайно важнейшей задачей социальной революции считался не только захват государственного аппарата, но также изменение повседневных практик людей, смена контекста их деятельности.

8. См.: MacIntyre A. (1981). *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; Макинтайр А. (2000). *После добродетели: Исследования теории морали* / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

9. См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. (2016). *Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во.

10. См.: Хархордин О. (2011). *Основные понятия российской политики*. М.: Новое литературное обозрение.

11. Волков В. В., Хархордин О. В. (2008). *Теория практик*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 213.

Новые универсальные социалистические ценности требовали определения того, чем же, собственно, является «социалистическое» в области морали. Во многом, как пишет Фишман, выдвинуть убедительное обоснование в пользу иной природы социалистических добродетелей не удалось. Социалистические добродетели так или иначе продолжали нести на себе «родимые пятна» прошлых формаций. В конце концов, был сделан вывод, что «отказаться надо от хозяйственного базиса и идеологической надстройки», а сами по себе добродетели «никак не противоречат цели построения коммунизма» (с. 59). Но переход к социализму, не говоря уже о коммунизме, требовал освоения прошлой культуры (с. 144), в том числе путем приобретения указанных добродетелей. Поэтому социалистические ценности верхнего этажа вступали в некоторое противоречие с нижней этикой добродетели, доставшейся от прошедших эпох.

В этом отношении, как замечает автор в интервью: «Большевистский проект был обречен с самого начала стать проектом воспитательным, моральным, в широком смысле — культурным»¹². Усвоение советской культурой просвещенческих установок XVIII–XIX вв. и необходимость выполнения «технического задания» по совмещению двух противоречащих друг другу уровней морали привели, по мнению Фишмана, к тому, что большевики просто решили сочетать верность идеологии с фактической рецепцией культуры, доставшейся как историческое наследие (с. 145). С одной стороны, результатом этого стало то, что в советских школах через классические литературные произведения получили распространение идеалы братства, взаимопомощи, готовности прийти на выручку ближнему (декабристы, народовольцы и т. д.). С другой стороны, такие ценности укоренились именно на уровне малых групп, локальных сообществ, чья связь с общегосударственной идеологизированной системой ценностей постепенно приобретала чисто формальный характер. Подобная индоктринация могла быть успешно реализована именно внутри малых сообществ, связанных этикой добродетели, но она достигла масштабов, которые не требовались верхнему ярусу моральной системы (с. 141). В итоге сфера этих культурных образцов приобрела характер «всего хорошего, разумного, доброго» и стала претендовать на самодостаточность, не бросая при этом открытого вызова системе общей идеологии (с. 101).

Фишман видит неудачу советского проекта именно в провале совмещения разноклассовых добродетелей с более высоким уровнем этики принципов. После революции моральная пирамида бывшего имперского общества оказалась разрушена, что предопределило необходимость возведения нового морального здания, «обретения нового неба и новой земли» (с. 27). С обретением неба проблем не возникло. Универсальная коммунистическая идеология, видевшая своей целью освобождение «пролетариев всех стран», прекрасно подходила для этого. Проблемы начались на земле. Успех советского морального проекта, как отмечает автор,

12. «Идеализируют прошлое нередко в пик у настоящему». Беседа с автором книги «Эпоха добродетелей» Леонидом Фишманом // Горький. URL: <https://gorky.media/context/idealiziruyut-proshloe-nередko-v-piku-nastoyashhemu/> (дата доступа: 15.09.2024).

зависел, во-первых, от подчинения этики добродетели коммунистическим целям и ценностям, а во-вторых, от успеха объединения в советской этике добродетели всех прошлых этических проектов. Когда это удавалось, «добродетели начинали светиться отраженным светом универсальных моральных ценностей коммунистического проекта», в другое же время носители добродетелей начинали переоценивать их значение, что не способствовало воспроизводству моральной пирамиды нового общества (с. 69).

Достичь указанной «этической интеграции» большевики пытались через образование. Известно, что добродетели можно научиться, подражая образцам «жизни замечательных людей», находивших свое воплощение в литературе. Сам Фишман пишет, что литература и кино являются зеркалами «происходящих моральных трансформаций» (с. 12). Литература в разные эпохи действительно формирует субъектов через определенные техники чтения. Начиная с XVIII в. институт литературы вслед за расширением коммуникативного пространства монаршего двора становится практикой, определяющей поведение и производителей, и потребителей текстов¹³. Поэтому выбор автором подобного эмпирического материала для социально-политического, а не филологического исследования вполне оправдан.

Как классическая литература Золотого и Серебряного веков, так и советские произведения описывали добродетели верности, честности, достоинства и дружбы (с. 95). Но с постепенным ослаблением того, что А. Юрчак вслед за М. Бахтиным назвал «авторитетным дискурсом», и выхолащиванием его идеологического содержания советский гражданин начинал все больше черпать вдохновение в историях про солдат, авантюристов, бунтарей и революционеров независимо от того, за какие ценности они боролись (с. 104). Главным становилось то, что это были герои, бросающие вызов общественным устоям. Подобные личностные образцы героического поведения «спали», дожидаясь своего часа (с. 110), когда вновь потребуются вершить великие дела.

Немалую роль в процессе локализации ценностей внутри малых групп сыграли педагогические практики конца советского периода. Фишман отмечает, что широкой популярностью пользовалась точка зрения, согласно которой педагогика являлась «технологией», позволявшей преобразовать мышление и практику людей «едва ли не как угодно» (с. 137). В качестве примеров автор приводит движения коммунаров и «каравелловцев». Коммунарское движение вдохновлялось идеями педагога Игоря Иванова и стремилось к немедленному воплощению реальной коммунистической утопии. Возникнув как реакция на упадок идеологических ориентиров в 1960-е гг., коммунарское движение ставило своей задачей возвращение этих высоких принципов в повседневную жизнь своих воспитанников (с. 152). Однако движение столкнулось с тем, что внутрикружкового воспитания добродете-

13. *Bürger p.* (1983). *Institution Literatur und Modernisierungsprozeß// Zum Funktionswandel der Literatur / Hrsg. P. Bürger. Frankfurt/M. S. 13.* // Цит. по: *Основат К.* (2020). *Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение. С. 21.*

тельных граждан, готовых заниматься общественно полезным трудом, оказалось недостаточно (с. 154). Внутренняя этика коммунаров быстро сместилась от эгалитарных установок к формированию сильных личностей, которые «умеют бороться за свое», искажая пространство обычного общества в свою пользу (с. 156). Это помогает объяснить, почему советское общество так «гладко» именно в социально-культурном, а не экономическом аспекте приняло индивидуализирующую идеологию неолиберального капитализма. Как заключает Фишман, «западные ценности» не стали катализатором развала советской системы, но упали «на питательную почву советских разновидностей этики добродетели» (с. 226).

Если коммунарское движение замкнулось на себе в силу сопротивления внешней социальной среды, то отряд «Каравелла» был таким изначально (с. 164). Он имел конкретного вдохновителя — писателя Владислава Крапивина. В книгах Крапивина, указывает Фишман, не оставалось места полутонам. Мораль оказывалась черно-белой, и детство являлось тем вневременным состоянием, в котором не было места пороку, что также отвечало потребностям локальных сообществ «своих» и партикулярной этике добродетели (с. 167). Детство поэтому оказывалось аллегорией реального состояния самого Крапивина и его современников, «восставших» против системы, находящейся в упадке (с. 170).

Фишман утверждает, что и коммунарское движение, и «Каравелла» не были чем-то выходящим за пределы официальной точки зрения. Они вполне отражали официальный взгляд на детство, как на время дружбы, товарищества и искренней доброты (Там же). Но подобная логика, будучи доведенной до своего логического предела, выходила уже за рамки детства, распространяясь на мироощущение человека в целом. Советским гражданам предлагалось «стать “как дети”» (с. 169). Но у детей всегда есть друзья, а значит, есть и враги. Всегда есть свои, а есть чужие.

Таким образом, как показывает книга Фишмана, неожиданный и стремительный развал социалистической системы был во многом предопределен изнутри самого советского этического проекта. Имея самые благие намерения, советская этическая система посеяла семена этики добродетели, которая была призвана поддерживать универсальные коммунистические идеалы, но не смогла обеспечить их совместной бесперебойной работы. К примеру, универсальное чувство товарищества, столкнувшись с неотзывчивостью внешней среды, с неизбежностью начинало центрироваться внутри малых групп. Сообщества друзей, «своих», стали противопоставляться товариществу в широком смысле, частное — коллективному. У последнего советского поколения не было высоких идеалов, но был их заменитель в виде корпоративной этики добродетели (с. 115–116).

Описывая трансформацию 1990-х гг., Фишман отмечает, что именно этика добродетели не допустила окончательной социальной атомизации и индивидуализации. Да, больше не было высоких ценностей, но оставались «друзья и одноклассники, сослуживцы и соратники по горячим точкам, семьи и иные малые сообщества» (с. 212). Вместе с тем отсутствие «высоких ценностей» привело к по-

явлению у властей новой России постоянного желания (со временем ставшего комплексом) создать новую систему ценностей. Вердикт Фишмана, в остальном очень аккуратного в оценках, здесь безапелляционен. Современные политические элиты безуспешно пытаются заполнить пустоту верхнего яруса моральной пирамиды российского общества, но делают это исходя из своих представлений, не имеющих на самом деле ничего общего ни с традиционными и православными ценностями, ни с патриотизмом или русским миром. Традиционное для них — это позднесоветское (с. 222), поэтому воспроизвести его на уровне этики принципов в новых условиях не получится. В результате предлагаемый нынешней российской элитой этико-политический дискурс «заведомо неадекватен в качестве отражения реального содержания разделяемых обществом моральных норм» (с. 221). Он является широкой формальной рамкой, поместить в которую возможно все что угодно, но с помощью которой невозможно обрмить работу большого сложного общества. Для верхнего яруса не хватает идеологии или религии, а для нижнего — недостаточно связи с реальными социальными субъектами и практиками (Там же).

В заключение нельзя не сказать о тех моментах исследования, которые могут оставить читателя в некотором недоумении. В работе отсутствует попытка дать какое-либо концептуальное обоснование проводимому исследованию. Из крупных теоретиков общества мы встречаем упоминание о Вернере Зомбарте и Максе Вебере, и по большому счету — все. Между тем хотя бы краткое упоминание политико-философской проблематики, несомненно, придало бы исследованию большую целостность и эвристический потенциал, ведь добродетель — одна из важнейших тем политической философии. Возможно, отсутствие ссылок на того же Макинтайра есть следствие попытки ухода от простого переноса западных концепций на российскую почву, но с объяснением провалились именно транзитологические и модернизационные концепции, тогда как серьезное политико-философское и социально-теоретическое осмысление того, что произошло здесь в позднесоветские времена, и в начале 1990-х еще толком и не начиналось. Отсутствие широкого освещения «западного канона» могло бы отчасти компенсироваться представлением в тексте концепций советских мыслителей. Но и их имен по ходу повествования мы не встречаем, за исключением Александра Зиновьева и Льва Гумилева, чьи идеи упоминаются лишь в качестве примера моральных изменений, происходивших в советском обществе.

Если неиспользование работ политических философов или западных славистов еще как-то можно оправдать, то совершенно странным выглядит игнорирование уже существующих работ отечественных авторов. В книге отсутствует какое-либо введение в проблематику с упоминанием уже имеющихся исследований местного контекста. Например, в книге Олега Хархордина «Основные понятия российской политики» содержится целая глава, посвященная истории добродетели в России. Возможно, рецензируемую книгу следует читать совместно с другими работами Фишмана, написанными в соавторстве, и имеющими большую теоретическую

базу¹⁴, однако от включения существующих работ в общее содержание рецензируемое исследование только приобрело бы в насыщенности своего описания.

Тем не менее книга Фишмана предлагает интересный анализ, позволяющий иначе взглянуть на фундаментальные процессы, происходившие в новейшей истории России. Советский социалистический проект, стремившийся воплотить универсальные гуманистические идеалы, не справился со своей задачей не в силу «ущербности» коммунистической идеи или какой-то особой «сервильности» советского народа. Напротив, в нем культивировались ценности доброты, взаимовыручки, веры в светлое будущее. По-видимому, что-то произошло с тонкой настройкой механизма, соединявшего два уровня советской моральной пирамиды. Но если этика добродетели, которая когда-то должна была способствовать приближению счастья для всех, сохраняется в обществе и сегодня, то есть все основания полагать, что будущее наступит. И здесь хочется только согласиться с автором книги в том, что, хотя «свет былой славы, высоких ценностей, <...> становится все тусклее, тени все длиннее, а смыслы все туманнее», — «именно в такие времена и вылетает сова Минервы» (с. 231).

The Splendor and Misery of Virtue

Book review: Fishman L. (2022) *The Age of Virtues: After Soviet Morality*, Moscow: New Literature Observe. (In Russian)

Mark Belov

Research Assistant, Centre for Historical Research, HSE University in St. Petersburg.
Address: Soyuz Pechatnikov Str., 16, St. Petersburg, 190008, Russian Federation
E-mail: markusabelov@gmail.com

14. См.: *Мартыянов В. С., Фишман Л. Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир; Мартыянов В. С., Фишман Л. Г. (ред.). (2016). Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия.*